

ПОЗДРАВЛЯЮ:
ВСЕЛЕННАЯ
ПО-ПРЕЖНЕМУ
РАСШИРЯЕТСЯ!

Юлия Ескина
**Поздравляю: Вселенная по-
прежнему расширяется!**
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20097956
ISBN 9785448305887*

Аннотация

Сборник рассказов, юмористических миниатюр и философско-лирических эссе. Состоит из трех частей. «Непонятки» – эссе, миниатюры и зарисовки о человеке и времени, о любви, о смысле и бессмысленности. «Если кратко» – короткие, в несколько строк, концентрированные мысли и чувства в афоризмах и миниатюрах. «Два рассказа» – «Из жизни бронжиков» – фантастический рассказ – наблюдение о жизни на одной странной планете. «Кошка Шрёдингера» – о девочке-подростке, переживающей нелегкий период в жизни.

Содержание

1. Непонятки	6
Рассказ А.	9
Сантехник дядя Миша	10
Я была собакой	12
Второй всемирный потоп	15
Про любовь	17
Почти Маргарита	19
Камешек в руке	22
Пока ждала такси	26
Театр	28
Поздравляю: Вселенная по-прежнему расширяется!	30
Время не поперхнувшись выпило мою тоску	33
Ничем не занимаюсь	35
Лето!	37
Лесное июльское	39
Чернолученские зарисовки, часть 1	39
Чернолученские зарисовки, часть 2	43
Предместье	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Поздравляю: Вселенная
по-прежнему расширяется!
Сборник рассказов
Юлия Ескина**

© Юлия Ескина, 2016

ISBN 978-5-4483-0588-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Непонятки

Рассказ А.

Шел кто-то. Шел, шел. Упал и умер. Просто так.

А навстречу ему летел. Тоже упал и умер. Но со смыслом.

А мимо проползал. Без всякого смысла. Просто есть хотел. Подавился и умер тоже.

А из-под земли выбрался на свет божий, глянул на солнце и выбился из сил. И умер от счастья.

А по воде плыл, плыл, греб, греб, и умер, потому что ему кирпич на голову свалился. Так нелепо.

А потом пришла маленькая девочка, собрала всех в корзину и уложила спать в кукольные кровати. Песенку спела и ночь настала. До самого утра. Все.

Сантехник дядя Миша

Она терпеливо заглядывала в глаза ночному небу, как собака, выпрашивающая кусок сыра. Наконец увидела падающую звезду и очень обрадовалась, что успела загадать припасенное наготове желание.

Сантехник дядя Миша из соседней девятиэтажки сделал последнюю затяжку, щелчком отшвырнул окурочек с балкона в темноту и, ворчливо выматерившись по поводу окружаю-

щей действительности, ушел домой спать. Окурок пролетел девять этажей вниз и рассыпался оранжевыми искрами.

На следующий день ее желание сбылось во всех интригующих подробностях. А дядя Миша ушел в очередной запой, за что и был наконец уволен начальством.

Никто никому не мешает стать для кого-нибудь богом.

Я была собакой

Я была собакой. Дворняжьей масти, коротконогой, с розовым мохнатым пузом и набухшими сосками. Собака сидела на своем хвосте, вверх влажным носом, и ее коричневые глаза просили у прохожих не еды и не денег. А они пинали воздух мимо длинными отутюженными ногами.

А потом я была деревом. Тополем, который рос у дороги, ведущей в суету и многословное непонимание. Тополь облетал сморщенными листьями, за которые дворникам платили зарплату. Тополь не видел реку. Он упирался подбородком в желтую пятиэтажку, из ее окон пахло жареным луком и скандалами. Ранним утром, когда засыпали фонари, тополь отрывался от земли, и душа его, сотканная из майски зеленых, еще клейких листочков, летела к реке. Тополь любил смотреть в ее устье, где воды становились перпендикуляром, непрерывно перетекавшим из одного цвета в другой.

Река отражалась в небе, оно становилось близко, и незаметно менялось местами с тем, что было внизу.

– Ты чувствуешь, как исчезают границы? – спрашивал он сам себя. – Все сливается, и взгляд фокусируется где-то между внутри и снаружи.

А листочки, молодые зеленые пяточки, летели капельками мелкого дождя вдоль, под и над мостом, летели, летели и никак не могли прилететь туда, где кончается река, весело

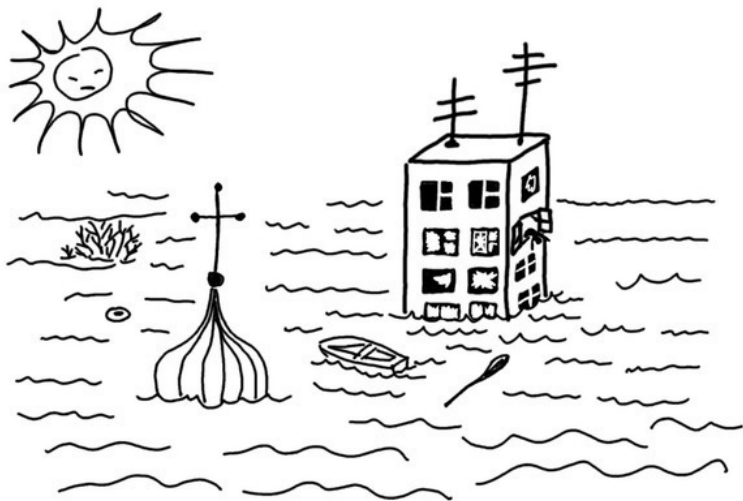
и торжественно несущая себя к своей гибели. Листочки серебрились нарезанными кусочками весны, трепетали, падали, оставаясь на месте, и не понимали относительность движения земли и солнца.

Первая заспанная машина с полуоткрытыми фарами спугивала их течение. У тополя была пугливая душа собаки, которую он надежно прятал под растрескавшуюся ржавую кору. Это была его одежда, изображавшая уверенность и достоинство.

Где-то внизу проходили люди, для которых он был просто тополем.

Второй всемирный потоп

Однажды солнце отказалось заходить за горизонт. Уселось на самой верхней тучке и давай петь матерные частушки и поплевывать на людей. День сидит, два сидит, неделю. Люди ходят по земле, косятся на небо и помалкивают. Ну а что тут сделаешь, солнце с неба не сгонишь.

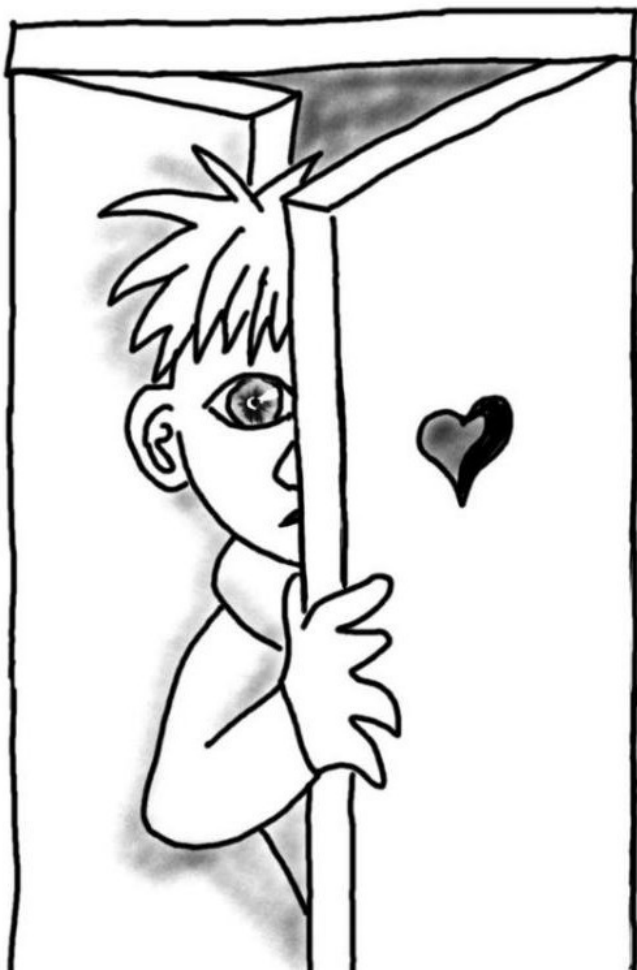
А солнце сидело-сидело наверху да и давай кидать вниз солнечные камушки. Развлекается.

Одного убило, другого, а третий взял и запустил камуш-

ком в небо. Туча возьми и лопни.

Вот так и начался второй всемирный потоп.

Про любовь

Человек, который живет в тумбочке, влюбился в одну прохожую, которая прохаживалась мимо его тумбочки. Два раза туда, три раза обратно. Он вылез из тумбочки, чтобы сказать ей как она красива, как прекрасны ее глаза и сильны ее ноги, которые прохаживают ее мимо его тумбочки. Два раза туда, три раза обратно.

Но только он вылез из своей тумбочки и закрыл дверцу на замок, как она остановилась и перестала быть прохожей. А зевак человек из тумбочки не любил. Он открыл дверцу своей тумбочки и скрылся внутри, чтобы спокойно жить в своей тумбочке, не отвлекаясь на всяких зевак.

А зевака, которая перестала быть прохожей, потому что стояла и смотрела на маленькую царапину на дверце тумбочки человека из тумбочки, достала из кармана фиолетовый фломастер и написала на дверце крупными буквами: «ТА-РА-КАН». Взвизгнула и убежала. Уж очень она не любила тараканов.

Почти Маргарита

Чувствую себя почти Маргаритой. Смешиваю вечерний крем: немного детского, самого простого, за 20 рублей, капельку сандалового масла и чуточку тайны. Вдохну запах, подышу над баночкой и подушечкой пальца – на левую щеку, рисовать себе новое лицо. Или стирать с лица ненужные маски...

А когда стемнеет, я выйду на балкон, и ветер, который всегда дует в твою сторону, понесет меня к твоему дому.

Твое окно, стол, лампа, ноутбук, телевизор. Я тихонько прикоснусь к стеклу, скрипнет форточка, и легкий запах сандала заставит тебя оглянуться. Ты не увидишь меня. Ты увидишь сквозь меня звезды над соседним домом. А я буду сидеть на ветке напротив твоего окна, как всегда невидимая и немая.

Я не умею говорить по-человечьи. А ты не знаешь мой язык... Язык простой и сложный, потому что в нем нет слов.

Я дождусь, когда ты уснешь, тихонько положу прохладную ладонь на твой лоб, и тебе приснится утро и ты сам в пять или шесть лет. Я спою тебе песню на своем языке и луна подыграет мне простенькими аккордами на гитаре. И ты меня поймешь, хотя и позабудешь мою песню, когда проснешься.

Я буду прилетать к тебе каждый вечер, пока однажды ты

не превешь тихую мелодию моей немоты, приложив палец к губам. Ты снимешь с меня невидимость, как снимают в прихожей плащ, и проводишь в комнаты, прикрыв шторой любопытный глаз полной оранжевой луны...

Камешек в руке

На стене от моей руки тень оранжевого цвета. Словно с той стороны земли солнце просвечивает. А лампа горит устало. Третий час ночи...

Пустота наконец нашла меня. Память стала невесома и почти не слышна. Сегодня – это почти вчера, а завтра уже было. Какой-то весною...

Шелестят-звонят длинные осколочки льда в радостной апрельской речной воде. Солнце полно сил. А ветер раздева-

ет ласково и нахально. И облака медитируют над обрывками чьих-то воспоминаний.

Камешек в руке. Гранитный обломочек горы, еще не забывший скальную близость к небу, но уже пообточенный волнами времени. Почти галька. Почти как я. Мы ровесники с ним в системе координат приближения к развязке. Его тяжесть в ладони – тяжесть времени иного рода, где мои года – его секунды, а его секунды – моя вечность.

Если я унесу его домой, он вряд ли заметит это, но, воспитанный солнцем, быстро отзовется на тепло моих ладошек. Он чем-то похож на меня, только твердость его протяженнее моей, но не менее уязвима. Я жалею его будущее, впрочем этого делать не стоит, ведь песок и пыль есть возвращение к началу, к великой пустоте, содержащей в себе все.

Он не заметит перемещения в пространстве, когда я понесу его в кармане по улицам города, потому что для него нет ни улиц, ни города, ни самого пространства. Быть может, его мысль навсегда осталась в тех миллионах рассветов на разломленном склоне горы, где он, почти еще сама гора, отражал гранью мелкой крапинки слюды один и тот же острый лучик солнца.

Вероятно, он даже не вспомнит, как уже в этом времени и пространстве, которое для него только сон, мимо него прошел, случайно прикоснулся или даже наступил ногой человек, простой смертный человек, зачем-то пришедший на этот берег, где в песке рядом с высохшими серыми суч-

ками и окурками лежал этот камешек с белесой прожилкой поперек. Не вспомнит и ничего не сможет мне сказать.

Я сама расскажу ему об этом. Вот только спрячу избыток пульса в глубокий вдох и снова попытаюсь сдать экзамен на приближение к бесконечности. Зажав в ладошке его прохладное угловатое тельце, я расслышу его чуткую глухоту. Его немота покажет мне направление движения к неподвижному ожиданию. А его вес и гладкая твердость поверхности научит меня уверенности в наличии моего места в мире, заполненном несчетными гроздьями атомов.

Когда дыхание мое снова станет легче тех облаков, я все же вспомню причину этого камешка на моем столе. Видел он этого человека, видел ли человек его – вероятность равна доле секунды, отведенной сердцу на вздрагивание от нежданного прикосновения любимого, поделенной на тысячелетия жизни от рождения до смерти. Человеческой ли, каменной – не имеет значения. Потому что значение имеет только поделенная на двоих последняя долька шоколада или миг, когда пальцы ощущают тепло пальцев другой руки. Это единственное, что нужно для сердца, чтобы биться. И главное – не сойти с ума от невыносимой пустоты, когда от этого тепла остается только воспоминание.

...Я оставлю себе надежду только на то, что в медленной памяти этого каменного существа останется и когда-нибудь уже навсегда воскреснет пролетевшее мгновение чело-

веческой жизни и вздох все же не сошедшего с ума от боли расстояний и расставаний человека, жившего на грани двух небольших тысячелетий...

Пока ждала такси

Я ждала такси, а в окне юный месяц царапал зимнее небо острым крылом и ждал ночи.

Земля ждала нового снега, люди ждали тепла и зарплату, ноябрь терпеливо дожидался декабря, а дети не могли дождаться нового года.

Уши ждали тишины, а взгляд – глубины зрачка напротив. Мысли ловили другие мысли, пальцы искали другие пальцы, губы молчали.

Кто-то ждал звонка. Кто-то набирал номер. Кто-то слышал гудки.

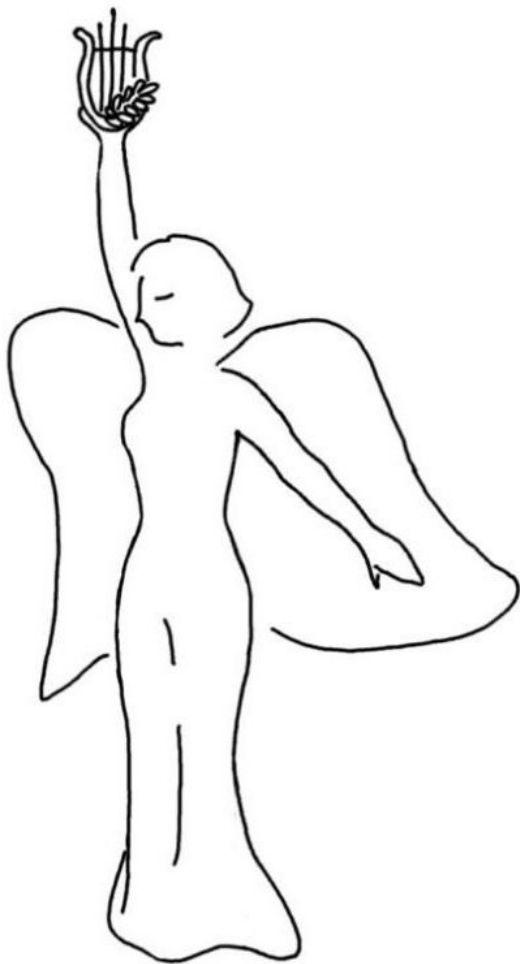
Кому-то отвечал голос. Кто-то бросал трубку. Кто-то закурил сигарету.

Он вышел на улицу. Она собрала чемоданы. Они оклеили стены в прихожей.

Где-то хлопнула дверь. Сзади взвизгнули тормоза. Навигатор сказал «поверните налево».

Вежливый автомат из телефона женским голосом бодро сообщил, что меня ожидает такси.

Театр

Понедельник, вечер, в театре почти никого. Тихо.

Входишь в зал. Поднимаешься на сцену и сразу ощущаешь, что ты не один. Что-то или кто-то дышит, шепчет, смотрит. Ощущение присутствия так зримо, что мурашки...

Стоишь за кулисами, а дыхание прерывается, как будто тебе сейчас выходить на полный зал.

На сцене декорации вчерашнего спектакля. Касаешься их рукой. Поднимаешь голову вверх. В тусклом свете дежурки едва видны колосники. Зал вот он, как на ладони. Никого в зале, никого на сцене. И не хочется уходить. Хочется присесть тут, с краю, и слушать, и слышать...

Что ты говоришь, дай расслышать...

И вот уже, кажется, слышишь и понимаешь. Шепот, голоса, смех, слёзы, аплодисменты... Ветер времени, ускользящего из пальцев. Шелест времени.

А он над временем и над тобой. И, кажется, он видит тебя насквозь, слышит скорый стук сердца, знает все твои мысли. Слегка небрежно, с высоты своего столетия, коснется он невидимой ладонью затылка, и ты исчезаешь, растворяешься в этих неслышных звуках, в этом полумраке, в этом сгущенном воздухе...

...Поговори со мной, Расскажи мне свои тайны...

**Поздравляю: Вселенная по-
прежнему расширяется!**

Выходя из дверей понедельничных будней,
не споткнись о закат, – он сегодня так близко
как соринка в глазу, заслонившая свет.
Взгляд твой если и вздрогнет,

то это не я...

Сил на взрыв не хватает. Даже во сне летаю с трудом. У деревьев, за которые хватаюсь, чтобы не упасть, какие-то высохшие ветви. Где уж тут сражаться с измерениями! Проиграв, извлекаю щепки пространства из-под ногтей и из извилин. Время, отсчитав капли в ложечку, терпеливо лечит расстоянием, которое более не ковровая дорожка, а шкаф с массой ненужных вещей и закрытой дверью как символом входа в тупик.

Поздравляю: Вселенная по-прежнему расширяется!

Успешная экспансия наружу, вспухание новыми завоеванными метрами, разрастающийся отек пространства, пытающегося вместить в себя время, нарастание процента содержания той, другой – завселенской – пустоты.

Пространство открыло для себя закон убегания, закон «от»: отстранения, отдаления, отталкивания. Оно бежит само от себя, само из себя, вовне. Быть может, это рост, а может быть, оно чуждо само себе.

Вероятно, это закон. Всё, что здесь рядом, неминуемо расстанется друг с другом, раскиданное растекающейся материей пустоты. Единственное мерило расстояния – время. Если оставаться на месте, время превратит километры в парсеки. Так же недосягаемо.

Гравитация – это пережиток прошлого. Первобытно сбиться в кучу для тепла. Та микроскопически малая точка, из которой родилась вселенная, единая душа всех, наверное,

она была счастлива.

Человек не может не повторять в своем развитии Вселенную.

**Время не поперхнувшись
выпило мою тоску**

Время не поперхнувшись выпило мою тоску и захрустело как семечками моими минутах. Тщательно прожеванные, они превращались в жидкую кашу и стекали между пальцами. Время можно было потрогать. Но я старалась этого не делать. Если его не трогать – остается иллюзия, что оно оставит тебя в покое. Иногда только стряхивала его ладонями со своих плеч, при этом стараясь не смотреть ему в глаза. В них можно было увидеть Универсальный Закон Последней Возможности: пока не потеряешь саму возможность терять – остается надежда на то, что тебе еще есть что терять.

Я давилась своим временем как сухомяткой, я била его наотмашь, я пряталась от него в чужие времена. Оно равнодушно смотрело мимо, цепко обняв меня за плечи.

А небо тем временем споткнулось и грузно упало к моим ногам, и я с виноватой поспешностью помогла ему подняться...

Ничем не занимаюсь

Ничем не занимаюсь.

Занимаюсь ничем.

Время проходит наискосок, запинаясь о мое бездействие. Ничего не делать – это тоже занятие. Делать ничего. Производить пустоту. Каверны во времени разрастаются в черные дыры, которые вбирают в себя метр шестьдесят сантиметров, инерцию пульса и беспорядочных движений.

Время жует само себя, откусывая кусочки невоплощен-

ных возможностей.

Свернуть время в трубочку, приставить к левому глазу, прищурить правый и посмотреть, как в замочную скважину, в вечность.

От вечности остался комариный писк в ушах. Надоело.

Выцарапываю блики образов острием по бумаге. Блики... бледные лики... тени... калейдоскоп мельтешений... Едва успев приколоть – забываю, о чем. Блики, как тени, живут недолго. Сплести эти ниточки в ковер – чего-то не хватает.

Хватаю обрывки, обмолвки, отголоски и, – через запятую, точка за точкой, – в пустоту многоточия...

Радиоприемник, никак не умеющий настроиться на одну волну. Диапазон велик, но нет фокуса, чтобы поймать и попасть в волну, увидеть море и остаться на плаву, выплыть и выплавить молекулами слов кристаллическую решетку жидкого минерала текста...

Лето!

Лето!

Лето идет, бежит, несется.

Лето кипит, бурлит, хохочет.

Лето танцует, любит, летает...

Ускользает с каждым рассветом, убывает с каждым закатом. Держи, а то упустишь. Лови, пока дается в руки. Вдыхай, пей, пой, впитывай в поры кожи. Щедрое, густое, яркое,

как загар, как горсть земляники, как веснушки на носу у рыжего.

Лето, забери меня куда-нибудь, все равно куда. Туда, где травы, деревья, вода. От асфальта, от духоты, от людей... Хотя бы ненадолго, хотя бы подышать... Чтобы жить каждый миг, подробно, со вкусом, с радостью.

Как в детстве...

Лесное июльское

Чернолученские зарисовки, часть 1

...Хочу тишины. Надо повесить на грудь табличку «Хочу тишины». Почему человек всегда старается заполнить окружающий воздух вибрациями собственных звуков?..

Гуляем по сосновому бору, нашли старое полуразвалившееся здание, корпус бывшего пионерского лагеря. Рядом – умывальня, тоже покосившаяся.

Когда-то тут было шумно. Яркие майки, неутомимые детские голоса. Даже в тихий час было слышно их легкое теплое дыхание. Теперь тут развалины, и лес понемногу забирает их себе. Уже мох на крыше и трава, и сквозь окна видны сосны.

Лес уже поглотил их сонное дыхание, их сны, их загорелые поцарапанные икры и облупленные плечи. Ничего не осталось. Только смутное воспоминание тех, кто был когда-то этим белобрысым мальчишкой и той девочкой с косичкой.

Трава покрыла слоем времени площадку для игр перед корпусом. Так снег прячет под собой осень и промелькнувшее лето.

Прошлое надежно спрятано живым, спутанным, дышащим покровом настоящего. В лесу вообще нет прошлого. Лес существует только в настоящем времени. Он поглощает время. Он питается прошлым как опавшими иголками, листвой, стремительно исчезающими телами умерших животных. Лес не выносит прошлого и не хочет знать будущее.

го. В будущем – только он сам. Везде и всегда.

Может быть, потому, что он сам – время?..

Лес, он – вообще.

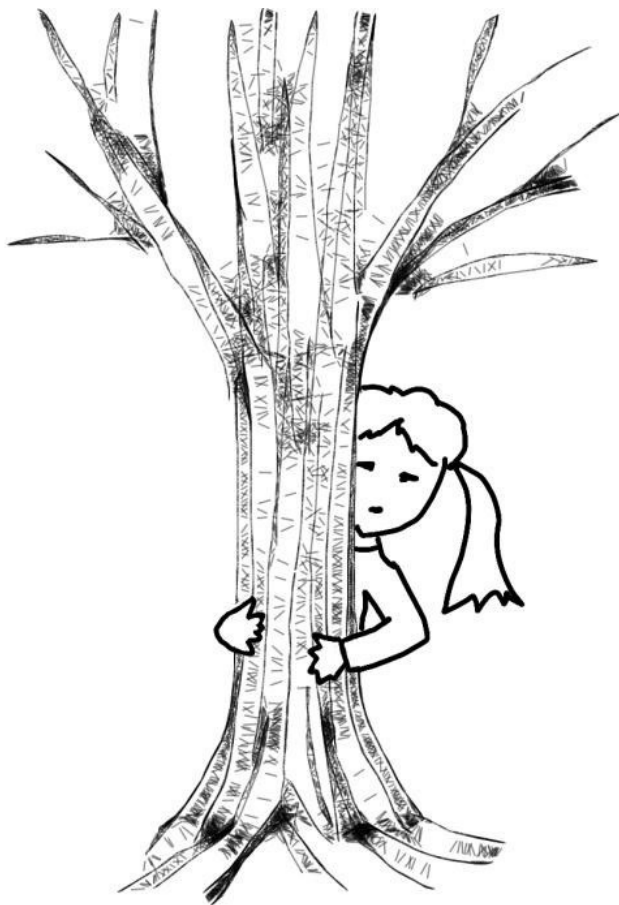
В лесу как-то особенно остро чувствуешь свою частность, отдельность от него. Чувствуешь, как он пытается сделать тебя собой. Он растворяет тебя в себе. Потихоньку, незаметно. Растворяет в ладанном запахе сосновой смолы, ловит в паутинные нити, прищипливает иглами комариных укусов, кружит голову медитативными поклонами верхушек сосен над головой. Он обступает вокруг шагами-стволами, сжимает в кольцо, расстреливает шишками. За деревьями не видно леса, смотришь вдаль, а там только коричнево-карамельные стволы сосен и обманчиво пушистые кроны. Где бор, где лес? Где целое? Где он прячется, за каким деревом, за какими травинками?

Сижу в бору на поваленном стволе сосны. Наконец тихо. Только дышит лес. Дышит. разговаривает, сбрасывает шишки и куски коры. Потрескивает, щелкает, коротко вскрикивает птичьими голосами.

Когда идешь по бору, под ногами хрустят ребра шишек. Вот он, орган пищеварения леса – под ногами. Упругая переплетенная спутанная масса из прошлогодней хвои и тонких, как детские волосики, травинок. Она все поглощает. Кажется, упавшего вчера – не найдешь. Лес уже переварил и присвоил.

Посидишь тут немного подольше, он переварит и растворит тебя тоже.

Чернолученские зарисовки, часть 2

Как непривычно никуда не спешить. Время тут идет от сосны и до обеда.

Дождь из хвоинок по жестяной крыше веранды. Горячий сосновый воздух, почти как в сауне. Хорошо, что ветер. Движение воздуха отгоняет жар.

Нижние ветки у сосен сухие, почерневшие, как будто обгорелые. Как пустые высохшие старушечьи руки, которыми они всю жизнь цеплялись за все вокруг, чтобы выбраться, выцарапаться, выжить. И теперь они мертвы, а те, что сверху – молоды и зелены. Они свободны и видят солнце. И забыли о тех, что внизу.

Обрубок березы как ампутированная по локоть рука. Мертвая, безжизненная, пустая.

Сосны прицельно метают в меня шишками.

...

Природа по сущности своей – оккупант. И человек, как из нее вышедший – тоже. Только почему-то оккупация человека страшнее, бесперспективнее, безнадежнее, что ли.

Природе незнакома жалость. Потому что она – всё. Человек не всё, поэтому он научился (или был вынужден) ставить себя на место другого и сострадать ему. Зачем? Чтобы снова стать всем? Значит, сострадание, жалость, это тоска челове-

ка по природе, по всеобъемлющему качеству общности, вездесущности, всеобщности. Быть всегда и везде.

...

Место для медитации. Для ловли слов из воздуха. Раскидываю сети. Накидываю на острые сучья сосен, на иголки. Ловлю переливы теней, жужжание насекомых, блики солнца на полупрозрачных березовых листьях, движение, шепот листвы и хвои далеко вверху.

...

Я наступаю на ярко-зеленый мох, весь в хвое и спутанных волосах травы, и из-под моих подошв брызгают пауки, улетают мухи, суетливо петляют муравьи. Хрустят под ногами шишки, веточки, ломаются сухие старые иголки. Я нарушаю их покой, увы, я не умею летать.

А сосны стоят вокруг и ничего не ждут.

Середина лета. Ось года. Год уже повернулся и смотрит на свой финал. Вершина, с которой уже виден склон. Скоро – вниз, вниз, к самому подножью.

Упавшее дерево заселено муравьями. Рядом его пенек с лохматой на излом макушкой. Сосны напоминают мне о море. Солнце, уже почти закатное, пробирается между ними, падает пятнами на их стволы. Воздух горяч, словно нагретая солнцем вода.

Отовсюду звуки. Треск, шелест, шуршание, стрекот ци-

кад, далекая трель незнакомой птицы, жужжание пролетающей осы или мухи.

Сосны покачивают головами, соглашаясь с чем-то. Ветерок, легкий, свежий, снимает испарину июльской предвечерней жары. Вдруг усиливается, и тонкие стволы сосен раскачиваются сильнее, даже страшно. И летят шишки, звонко стукаясь о ветки, и глухо падают в упругую лесную подстилку, удобряя будущее лето.

Слышно треск – человек идет или деревья пытаются меня напугать. Сверху падают чешуйки коры мне на страницу.

...

И хвойный запах. Который хочется взять с собой.

Предместье

В полукилометре от моего дома – железнодорожная ветка, полукругом огибающая наше предместье. Ночной ветер приносит перестук колес прямо мне в комнату. Поезд долго едет по дуге, и сердце начинает стучать в ритме рельсовых стыков.

Металлические звуки рождают в подсознании странный глюк: диван подо мной качается как в вагоне, и меня несет куда-то нечеловеческая сила. Скорость замедляет время, время обретает цельность, и мгновение становится бесконечным, как эта бесконечная дорога...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.